

ветской истории. С их благословения грязь и оскорбления, выдумки и ложь появляются во многих газетах и журналах, не говоря уж о „бесстыдном телевидении“...» (Маршал Жуков. М., 1999. С. 631).

Соч.: Избранные произведения: в 2 т. М., 1982; Избранные произведения: в 3 т. М., 1990; Тайна: рассказы. Ташкент, 1966; Маршалский жезл: роман. М., 1972; Солдатская красота: роман, повести, рассказы. Ташкент, 1973; Взять живым!: роман. М., 1975; М., 1980; Истоки: Размышления о мужестве, доблести и славе. М., 1977; Мужают не только в бою. М., 1981; Не мечом единым: Роман, повести и рассказы. М., 1979.

Лит.: Волков К. О судьбе военной // Звезда Востока. 1965. № 9; Овечкин В. Роман о совр. армии // Лит. Россия. 1971. 19 февр.; Кудинов П. Охотники за «языками». М., 1971; Дымшиц А. Им было по 20 // Комсомольская правда. 1974. 10 дек.; Шорор В. Не славы ради // Лит. газ. 1975. 12 февр.; Ярославцев И. Владимир Карпов // Неделя. 1977. 2–8 мая; Козлов И. Личность, документ, образ // Лит. обозрение. 1985. № 5; Кондратович А. Спокойное лицо мужества; Сила слова // Кондратович А. Призвание: Портреты, воспоминания, полемика. М., 1987; Иванова Т. Что отдавать в переплет? // Иванова Т. Займемся делом! Полемические заметки. М., 1987; Ланщиков А. Строгая любовь // Ланщиков А. Ищу собеседника: О прозе 70–80-х годов. М., 1988.

И. В. Кондаков

КАРПОВ Пимен Иванович [6(18).8.1884 или 1887, с. Турки Рыльского у. Курской губ. — 27.5.1963, Москва] — поэт, прозаик, публицист.

Родился в крестьянской старообрядческой семье. О своем селе К. позже писал: «Наш край — село скрытников-староверов. Табором кочевым разбросано оно по холмам в верховьях речки Клевени и речки Амони. Это рубеж Украины, ясеневая дикая заросль, перевал солнца: отсюда весной переваливается рыжий лежебок-солнце на Север» («Из глубины»). Обильный солнечными днями край наложил свою печать на светоносную образность произведений К., выразившуюся даже в названиях книг, а соседство с Малороссией зафиксировалось в обильных украинизмах их языка.

В 1905 К. принимает участие в революционной пропаганде среди крестьян. К 1906 относятся его первые публикации (очерки и стихи) в леворадикальной газ. «Курская весть», стоившие ему в 1907 ареста и заключения в тюрьму в г. Рыльске, откуда он с помощью товарищей бежал и некоторое время скрывался в Финляндии.

Намерение продолжить свой лит. путь приводит его в Петербург, где он устраивается поденщиком на резиновую фабрику «Треугольник». К. сближается с литераторами И. Ясинским (в квартире которого на набережной Черной речки некоторое время проживает) и Л. Андрусоном, а затем и с более широким кругом писателей, включая и столичную элиту, регулярно посещает собрания Религиозно-философского общества и «среды» на «Башне» Вяч. Иванова. Тогда же начинает публиковаться как поэт в петербургских ж. и газ. «Весна», «Мир», «Неделя», «Совр. слово», в приложении к «Ниве». С явным авансом похвалы стихи начинающего поэта приветствуются прессой: «Вот Пимен Карпов, молодой рабочий, с виду мешковатый, неповоротливый, будничней. А в душе у него — сказка — с золотыми зорями, с серебряными реками, жемчужными туманами, бриллиантовыми росами. Сколько аромата, нежности и радуги в душе этого молодого мужика!» (Шебуев Н. Поэтический анархизм // Весна. 1908. № 11. Март). На самом же деле стихи К. этого периода обильно насыщены расхожими образами, в них только изредка мелькают картины родного поэту крестьянского края, но и то на них лежит печать недостаточно органически усвоенного символизма. Позже К. говорил о том, что будто бы в 1911 им был подготовлен к изданию поэтический сб. «Знойная лилия», содержание которого составили стихи первого периода творчества; данные о выходе такого сб. историкам лит-ры не известны.

В 1909 выходит первая книга К. «**Говор зорь**», состоящая из очерков-нвектив, направленных против городской интеллигенции, безнадежно будто бы отошедшей от здоровых основ национальной жизни. Национальные корни К. видит в деревне, в крестьянстве, при разговоре о которых автор то и дело с публицистического тона своей книги переходил на лирический и апологетический. «И как это ни неприятно „интеллигенции“, народ чует говор зорь — голос Бога, правды, красоты и любви, чует грядущий расцвет жизни среди степей и лесов и бодр духом и полон сил. Город, так называемая городская культура, развращает, губит народ, спасется он только в деревне, на земле». Интеллигенция же обвиняется К. в грехах эгоизма, духовном ограблении народа путем монопольного владения культурными благами и лицемерном «народолюбии». В вызове интеллигенции К. стремился быть последовательным. Так, в письме от 7 апр. 1910 В. Розанову он декларировал: «Вы мне враг. Вы этого, веро-

ятно, и сами не станете отрицать; да и вообще все, кого я знаю из интеллигентов,— лютые враги мне и готовы меня в ложке потопить; интеллигенты не щадят нас, сынов народа, не будет им пощады и от народа». Письмо заканчивалось: «Если будете писать по заказу для „Нов(ого) вр(емени)“ и „Р(усско-го) с(лова)“ — не избежите общей участи интеллигентов. Я предупредил Вас» (см.: Куняев С. Певец светлого града // Карпов П.: Пламень: роман. Русский ковчег... М., 1991. С. 8, 9). Полной последовательности в «борьбе» с интеллигентами, однако, не получается. В 1909 К. добивается личного знакомства с А. Блоком, которому в письме того же года признается: «Вас я ценю как прекрасного, доброго, сердечного человека и национального поэта... но интеллигента так же не одобряю в Вас, как и во всех». С еще большей признательностью высказывается и А. Белому в письме к нему в 1910: «Вы многое видите духовным оком своим, что от нас простых смертных скрыто. Я прямо скажу, что Вашими устами иногда говорит Дух Святой. Вот почему Ваше мнение для нас, служителей Бога и Его Святого Духа, дорого и родно». Да и к характеристике В. Розанова в цитированном выше письме он делает в его конце существенную поправку: «Поступайте, как говорит Вам Ваша совесть, но Вы не имеете права губить в себе народный гений». Сближается К. и с Мережковскими, которые считают, что «он мог бы стать значительным явлением, если бы „ускромнился и вошел в разум“» (Из письма З. Гиппиус к А. Белому от 8 дек. 1909 // Азадовский К.— С. 241). Лит. общественностью книга К. была встречена сочувственным вниманием. А. Блок причислил ее к книгам «„русских вояк“», в которых, при всем их косноязычии, есть не одни чернила, но и кровь» («Литературный разговор», 1910). Л. Толстой, которому как «учителю жизни» К. ее послал, одобрил в своем ответе автору преобладающую в ней мысль о «великом значении» и «великой будущности» крестьянства. Толстому книга импонировала также и «смелостью мысли», и «обинительным» тоном. Несколько позже о книге высказался и В. Розанов, отметивший, что эта «небольшая и страстная книжка» «бурлит, кипит, рвется, но несостоятельна в своем отрицании города», поскольку «ни в созерцании Платона, ни в созерцании Толстого, ни в созерцании Пимена Карпова — город не устраним. Город — это есть многообразие, сложность, опыт разнообразных трений; пожалуй — место гибели единичных душ и роста целого... около него вращается и дви-

жется цивилизация и история» (Пимен Карпов и его «Говор зорь» // Прямой путь. Ежемесячное издание Русского народного союза Михаила Архангела. 1914. Кн. 2). В этой же статье В. Розановым запечатлен и портрет К. периода выхода в свет его первой книги: «...в сущности очень интересный, молодой человек: среднего роста... плотный, сильный, угрюмый, молчаливый, внутренне приветливый».

В 1913 выходит отдельным изд. роман К. **«Пламень: Из жизни и веры хлеборобов»** (на титульном листе указан 1914) — своеобразный отклик на активно обсуждавшуюся в столичных элитарных кругах проблему интеллигенции и религии. Одновременно он явился и полемическим ответом на посвященный этой же теме роман А. Белого «Серебряный голубь» (1910), в котором стихия народной (хлыстовской) веры предстает темной и косной силой, погубившей доверившегося ей героя-интеллигента. В «Пламени...» все как раз наоборот: образом тьмы, самого дьявола выступает представитель привилегированного сословия, помещик и «камергер-деторастильщик» Гедеонов, а светлым началом — руководимая хлыстом Крутогородским секта неких живущих «в обители среди старых мятежно раскинувшихся садов», поющих радость и солнце «пламенников». Есть здесь, правда, и представители темных сил в религиозных исканиях народа — секта сатанистов. Книга насыщена картинками «душевных и телесных» мучительств, насилия и свального греха, совершающихся в русских церквях «кровавых месс». Роман К. приобрел репутацию «скандального» и вскоре же после выхода был конфискован цензурой. Книга была встречена разноречивыми оценками в критике, в частности, А. Блоком. В своей статье о романе он определил его как «плохую аллегория» и отметил в нем «сухонный язык и... святую правду», а в конце своего отзыва обобщил: «Пусть это приложится к познанию России». Р. В. Иванов-Разумник указывал на эпигонскую зависимость от «ремизовского построения фразы», реминисценции в ней из Андрея Белого, а самого автора назвал «отравившимся» лит. модернизмом. Отмечалось и влияние Ф. Сологуба. В основу почти всех негативных оценок легли два мотива: нагнетание мрачных картин в изображении души и жизни русского «хлебороба» и неконтрольное следование расхожим тенденциям декадентской лит-ры. Автора упрекали в том, что он «навязывает без того темному и несчастному крестьянству русскому какие-то небывалые мысли и чувства, подобранные в туманной, промозглой атмосфере

петербургского декадентства» (Философов Д. Бред // Речь. 1913. 14 окт.), в том, что он своим романом возвел новую клевету на русский народ, на русское «сектанство, и без того тяжко страдающее», что никаких «сатанаилов» среди русского народа не было и нет (Бонч-Бруевич В. Новый ритуалист // Киевская мысль. 1913. 27 окт.), что, пытаясь нарисовать «революционное движение в крестьянской среде», автор заливает его «эксцессами жестокости, соединенной с эксцессами пола» (Ашешов Н. (Ожигов Ал.). Лит. мотивы // Совр. слово. 1913. 17 окт.). В положительных же оценках утверждалась как раз противоположная мысль — о несомненном существовании в какой-то части народа этих «эксцессов», о том, что в «Пламени...» «с огромным поэтическим мастерством и искренним пафосом повествуется о целом ряде кровавых преступлений, совершаемых на дне нашей сектантской темноты» (Ясинский И. Костомаров, Хвольсон, Пимен Карпов и сатанаилы // Биржевые ведомости. СПб. 1913. 10 окт. Вечерний вып.); в иных из подобных отзывов заострялась даже мысль об актуальности романа К.: «Страшная, кошмарная книга, но книга, явившаяся не поздно, книга, вопиющая о „переоценке“ многих ценностей, напоминающая о многих грехах, предостерегающая и пророческая» (Шарков В. Книга ненависти // Южный край. Харьков. 1913. 24 окт.).

В 1915–16 К. сближается с поэтами «крестьянской купницы», особенно с С. Клычковым, С. Есениным, А. Ганиным. В окт. 1917 выдвигается кандидатом в Учредительное собрание от партии эсеров (избран не был). Превратившись после революции из недавнего «нелегала» в приветствующего новую власть писателя, К. в начале 1920-х активно издается. В 1920 выходит сб. рассказов **«Трубный голос»** — о развале и сумятице нынешней деревенской жизни, в 1922 вместе с отдельно изданными драматическими поэмами **«Богобес»** и **«Три зари»** появляются в свет два его поэтических сб. — **«Русский ковчег»** и **«Звезд»**, в которых ранние стихи дополняются новыми: о мессианской судьбе России, ступившей на свой трагический путь (**«Светлоград»**, 1917). Стихи этих двух книг по-прежнему находятся под значительным влиянием символизма, окрашены особенной религиозной символикой, образностью и отличаются обилием образованных в символистском духе неологизмов: «грозоцвет», «солнцеструй», «трепетнозвездный», «цветопад», «весеннесинь», «лесолунный цветок», «огнепраздновать», «светословен-

но», «цветогрозы» и пр. По словам современника, высказанным в этом же 1922, К. в своем творчестве выразил «хлыстовскую одержимость» русского народа, тогда как Л. Толстой выделил его «христиански смиренную просветленность», а А. Блок — его «мечтательность и нежность» (Руднев А. Бесшабашный // Вестник лит.-ры. 1922. № 2–3). На сб. «Русский ковчег» и «Звезд» путь К.-поэта в основном завершается; лишь в середине 1920-х создаются им как бы вынужденные стихи, посвященные смерти троих своих друзей: А. Ширяевца, А. Ганина и С. Есенина — **«В застенке»** (1925) и **«Три поэта»** (1926). Посвященные в первом из них строки расстрелянному А. Ганину стали вполне пророческими по отношению ко всем новокрестьянским поэтам, расстрелянным позже и вычеркнутым из лит.-ры: «И стала по растерзанной России / Бродить твоя растерзанная тень...» Завершались стихи строфой, в которой светоносная, «огненная» символика К. обрела подлинный исторический смысл: «А мы, на ком лежат проклятья латы, / Себя сподобим твоему огню. / И этим неземным огнем крылаты / Навстречу устремимся звездно!»

В период политики и стратегии раскрестьяничания К. разделяет судьбу прочих отторгаемых от лит. процесса новокрестьянских поэтов. Партийная критика считала, что творчество К. представляет собой «прямой мост к реакционному отрицанию возможности переделки деревни» (Краткая лит. энциклопедия. М., 1931. Т. 5).

С 1920-х К. живет в Москве, долгое время не имея своего собственного жилья (комнату получил лишь в конце 1930-х) и занимаясь лит. трудом только «в стол», в т. ч. работая над начатой еще в 1920-е автобиографической книгой «Из глубины. Повесть о самом себе и других». В 1933 ее отдельные фрагменты выходят небольшой книжкой **«Верхом на солнце»**. Второй и последний раз «повесть» (неполный вариант) удастся издать только в 1956 отдельной книгой «Из глубины». В предисл. к ней («От автора») К. вынужден был отречься от своих прошлых символистских традиций, признаваться в «непонимании... общественного назначения литературы», в «неумении разглядеть в ней единственно правильный путь — путь реалистического направления...». Умер К. совершенно забытым писателем.

Соч.: Пламень // Последний Лель: Проза поэтов есенинского круга. М., 1989; Пламень: роман. Русский ковчег. Книга стихотворений. Из глубины: Отрывки вос-

поминаний. М., 1991. (Забывшая книга); В застенке // Алексей Ганин. Стихотворения. Поэмы. Роман. Архангельск, 1991; Письма к Блоку // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991.

Лит.: Клейнборт Л. Очерки народной лит-ры (1860–1923). Л., 1924; Белый А. Начало века. М.; Л., 1933, Басквич И. Курские вечера. Воронеж, 1979; Азадский К. Блок и П. И. Карпов // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991; Солнцева Н. Пимен // Солнцева Н. Китежский павлин. М., 1992; Лев Толстой и крестьянские писатели / публ. Л. Гладковой // Подъем. Воронеж. 1996. № 3. С. 235.

А. И. Михайлов

КАРПОВА Наталия Ивановна [15.7.1940, Ленинград — 5.2.1995, Петербург] — поэт, переводчик.

В 1961–65 работала библиотекарем. Окончила Ленинградский ин-т культуры им. Н. К. Крупской (1965) и аспирантуру при нем (1968), канд. педагогических наук. В 1968–95 преподаватель, доцент (1977) Ин-та культуры. Опубликовала свыше 50 науч. работ по библиотековедению.

Лит. путь К. начался в литобъединении под руководством поэта Г. Семенова, куда также входили А. Кушнер, В. Соснора, Г. Гампер, А. Городницкий, Т. Галушко. Первая подборка стихов напечатана в альм. «Молодой Ленинград» в 1965. Стихи К. публиковались во мн. периодических изд. («Смена», «Лит. газ.», «Нева», «Аврора», «Звезда», «Костер», «Молодая гвардия», «Студен-

Н. И. Карпова

ческий меридиан»), в альм. «День поэзии», «Молодой Ленинград» и др. К. переводила стих. польских, югославских, украинских, грузинских, туркменских поэтов.

Ранние стих. К. были «лишены резких красок и линий, категорических заключений, экстравагантных образов. Как правило, это короткие стихи, где в немногом говорится многое и где читателю сразу же... передается авторское настроение. Секрет этот в том чувстве истинной поэзии, в точном и скупом отборе поэтических средств, которыми владеет К.» (Ботвинник С. Доброго пути! // День поэзии. 1972. Л., 1972. С. 162).

Выросшая в семье верующих родителей, К. с детства была глубоко религиозна. В годы, когда открытое исповедание веры было невозможно, К. не шла на компромиссы: сб. ее стих. пролежал в изд-ве 11 лет. Христианское начало прочитывается в подтексте, в символах, иносказаниях; в ее стихах ощущается незримое присутствие вечности, иного мира, духовной реальности. Это было подмечено критикой в рецензии на первую книгу К. «Колодец» (1976): «Образность К. принадлежит к двум рядам: бытовому — и надбытовому, непреходящему, символом которого чаще всего становится звезда. Это... необходимая автору стабильная точка, надежно остающаяся на привычном месте при любых обстоятельствах» (Гампер Г. Далекая память // Аврора. 1977. № 5).

Все стихи К. связаны единым лирическим сознанием автора, единым мироощущением. Уже в первой книге «Колодец» явственно чувствовалась высота души поэтессы, ее тяготение к религиозно-философскому осмыслению мира: «Мне так нужны бессмертные слова, / В которых есть и корень, и основа...» Критики отмечали зрелость и самостоятельность, силу и глубину поэтического чувства. Стихи К. исполнены драматических переживаний, живой боли, искреннего интереса к людям. «Мысль, образ, жизнь... — все выстрадано... Поэтесса не боится высоких слов, не прячется в иронию, не маскируется витиеватой метафорой, и „душа“, „честь“, „совесть“ для нее — не поэтические символы, а смысл жизни» (Покровская С. [Рец.] // Звезда. 1977. № 7. С. 216).

Остро ощущая быстротечность жизни, К. находит опору, неподвластную времени, — любовь в ее христианском понимании. Вера в людей, радость бытия, счастье бытия — слагаемые мироощущения поэтессы. «Карпова не оставила нам пронзительных стихов о любви, а вот о дружбе сказала так, как у нас не говорили со времен Пушкина: само-